

Позволим себе высказать несколько предварительных догадок по вопросу о том, с какого языка могла быть переведена славянская книга Еноха.

Обычно доказательством перевода с греческого признают наличие в славянском тексте «Еноха» акростиха, объясняющего значения имен Адама и Евы. Как отмечает О. Эйсфельдт, этот акростих понятен только на греческом языке.⁶⁷

Рассмотрим указанный отрывок по изданию М. И. Соколова. Там находим: «И поставих емоу им от четири съставъ, от вѣстокъ, от запад, от сѣвера, от юга». Действительно, как указал еще Чарльз в 1896 г., здесь мы встречаемся с очень распространенным в древности истолкованием греческого написания имени «Адам» при помощи начальных букв греческих названий стран света: восток — *'ανατολή*, запад — *δύσις*, север — *ἄρκος*, юг — *μεσημβρία*. Однако, если обратимся к продолжению текста, то мы читаем: «И възех ему спашоу ребро и сътворих емѣ женѣ и женоѣ да приидет емоу сѣмрть. И възѣх послѣднѣ слово его и нарекох еи имѣ м(а)ти си рѣч Ева. Адам м(а)ти землѣнь. и жизнь».⁶⁸ В списке Яцимирского последним словам соответствует: «Адам м(а)ти землѣни и жизнь»;⁶⁹ в списке П: «Адам имат земную жизнь».⁷⁰ Как видно из примеров, текст заключительной части отрывка безнадежно испорчен. Конъектура М. И. Соколова, которая дается в его переводе на латинский язык: «Adam explicatur terrestris, Eva mater et vita», — далеко не бесспорна. Основывать решающий вывод о языке, с которого мог быть переведен апокриф, на столь шатком основании по меньшей мере неосторожно. К тому же весь приведенный отрывок содержится только в списках пространной, югославянской редакции. Русские же списки, как краткой, так и «промежуточной» редакций, этого места не содержат. Наконец, смысл концовки акростиха может быть истолкован не только на основе греческого языка, но с той же долей вероятности и на славянской основе. Подобно тому, как бог создает Еву из ребра Адама, он же берет последнюю букву его имени (букву «М») и из нее создает имя его жены Евы («мати»). С данной буквы начинается как греческое слово *μήτηρ*, так и славянское с тем же значением. Не исключена поэтому возможность, что весь этот отрывок был внесен в текст книги Еноха одним из южнославянских редакторов, перерабатывавшим текст с привлечением каких-либо иных источников.

В тексте славянской книги Еноха встречаются довольно многочисленные слова, восходящие к греческому языку, как например «стѣхѣа», «еферъ» и др. Однако эти лексемы не могут быть признаны показательными при решении вопроса о языковой природе оригинала, так как они принадлежат к числу древнейших заимствований, которые прочно утвердились в словарном составе славянорусского литературно-письменного языка и могли бы быть употреблены древнерусским книжником по собственному почину.⁷¹ Показательнее в этом отношении греческое слово «григорѣи», которым обозначены в славянской книге Еноха падшие ангелы, «стражи», «бдящие», предающиеся скорби о грехопадении своих

⁶⁷ См.: О. Eissfeldt. Einleitung in das Alte Testament, стр. 768.

⁶⁸ М. И. Соколов. Славянская книга Еноха Праведного, стр. 31.

⁶⁹ Рукопись БАН, № 13, 3.25, л. 106 об.

⁷⁰ Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым, стр. 121.

⁷¹ Н. А. Мещерский. К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка. — Византийский временник, т. XIII. М., 1958, стр. 246—261.